

— Рокудо, когда ты заплатишь за аренду? — донесся к самураю не довольный возглас.

Поежившись, то ли от холода, то ли из-за того что ему не удалось улизнуть в это утро незамеченным, самурай ровно ответил:

— Сегодня, я найду работу... И заплачу за два месяца вперед...

— Ты меня уже, который день, кормишь этими обещаниями! Уж лучше бы тебе, без денег не возвращаться...

Пожилая женщина, смотревшая не добро, прикусила язык. Всем в округе был известен её нрав. Даже прохожим и соседям, доставалось от её острого язычка, что же говорить об арендаторах, волей случая или судьбы, занимавших комнаты в усадьбе вдовы.

Стены усадьбы, бесспорно, видели и лучшие дни и едва ли в эту холодную зиму могли хранить тепло очага. Но, обитатели усадьбы, за неимением денег, были рады хоть и такой, но крыше над головой.

— Я тебя последний раз предупреждаю...

Лицо женщины, покрытое морщинами, обезобразилось от гнева настолько, что даже на скулах показались вены. Пожалуй, вдова наорала бы на всякого, кто посмел бы вывести её из душевного равновесия.

Самурай в свою очередь, ничем не выражал недовольствие, к таким грубым обращениям. Он не кивал головой и не улыбался услужливо, двулично. Нет, самурай был спокоен, будто слова, сказанные в его адрес, были не предназначены для него.

Спокойствие это не было напускным, и во многих случаях, оно же отрезвляло и подчеркивала некую особенность Рокудо. Тихий и ничем не приметный Рокудо, хоть и не был уличен в азартных играх или еще в каких-нибудь непристойных действиях, тем не менее, жильцы усадьбы с опаской смотрели на него, будто, самурай мог в раз измениться и перерубить их всех.

Видя как Рокудо, больше не добавив и слово, удаляется, вдова лишь поцокала языком и затем проговорила:

— Ишь себе, жалкий ронин, а ведет себя будто благородный самурай...

Однако, сказано это было шепотом, так что ронин не обернулся на высказанное оскорбление. Доски лестницы поскрипывали, под тяжестью шагов ронина. Вместо изношенного кимоно, в это утро, на Рокуде была одета приличная одежда, а из-за пояса выпирали рукояти мечей.

Собранные хвостиком черные волосы, были вымыты, а выбритое начисто лицо и многие другие детали, могли подсказать жильцам усадьбы, что день этот был особенным, для Рокудо — ронина.

Но в это утро, никто не обратил на него внимание. Жильцы, прячась от холода, без особой нужды не вылезали из постели.

Эти мысли пронеслись тут же, стоило Рокуде обернуться в последний раз на усадьбу. Он с удивлением понял, что был бы не прочь, если бы хоть кто-то из жильцов, обратил бы на него внимание. Встряхнув голову и отгоняя нелепые мысли, он несколько минут простоял так в

тишине. Холод начал окутывать конечности, так что вскоре, ронин зашагал прочь.

Селения и города, все они так часто походили друг на друга. Менялись названия, рек и гор, но как постоянны людские пороки, так и города в провинциях не очень отличались. В больших городах, где жили богатые купцы и властные кланы, будто в противовес к ним, прорастали кварталы бедняков.

Лишенные изыска и построенные в ряд, дома бедняков тянулись, оставляя извивающиеся промежутки что служили улицами в кварталах. Кварталы служили пристанищем для крестьян, которые искали для себя другой доли. И хоть бедность толкает людей на необдуманные действия, нельзя сказать, что в этих кварталах жили одни лишь воры и убийцы.

Покинув квартал бедняков, Рокудо повернул по дороге направо, в сторону храма. Не замечая ни холод, ни оставленный позади рынок, вскоре ронин подошел к холму, на котором возвышался храм.

Некогда, когда город Такаяма был мал, холм этот и причастные к храму земли, считались загородом. Ныне же, когда город увеличился в размерах, холм лежал в пределах города. Многие помнили те дни, когда город еще толком не вырос, стирая с себя прежние следы.

Но это и многое другое, было неизвестно ронину.

Поднявшись по каменным ступеням, он вскоре увидел, что кроме нескольких братьев монахов, во внутреннем дворе, не было никого. Пройдя возле защитных изваяний, напоминавших собой мифических зверей, он не спеша ступил на землю храма. Братья монахи даже не обернулись, занятые чисткой двора от снега.

Но, тем не менее, кивнув им в знак приветствие, ронин направился к массивной двери. Перед деревянной дверью, Рокудо заколебался. И дело было отнюдь не в том, что ронин свято верил в богов и боялся их кары.

Влача жизнь ронина, самураю приходилось огибать пороги, как властных вельмож, так и простых бедняков. Не раз и не два, стоял он так в нерешительности, прежде постучать. Не всегда ему везло, и часто возвращался он в свою комнатку, словно побитая собака, не найдя работы.

Рокудо прежде служил маленькому клану, который исчез одним из первых, стоило разгореться войне в провинции. После, он с доброй волей предлагал свой меч другим кланам, но увы, для всех других он отныне стал ронином.

Ронин — самурай без хозяев и без клана. Многих из них, нужда заставляет браться за любое дело. Не для всех находятся работа телохранителя, не говоря уже о найме в ряды кланов. Время и голод умеют выбивать спесь с самураев, так что не удивительно, что ныне многие из них рады работе грузчика. Без сомнений, в таких условиях меч ржавеет, а умения притупляются. Все это и многое другое, Рокудо знал не понаслышке.

Ронин даже не заметил, что перед дверью простоял лишние минуты, прежде чем та открылась.

— Прощу, входите. В такой холод, не гоже стоять у порога, — услышал он глубокий голос.

Монах, приветливо улыбаясь шагнул в сторону, тем самым, уступая дорогу ронину.

Внутри, было сумрачно. Но даже так, Рокудо разглядел, что в огромном зале, возле стен

стояли изваяния буддистских богов, но возле алтаря, виднелась изваяние бога войны — Хатимана.

Словно уловив не сказанную мысль ронина, монах произнес:

— Мы еще не успели убрать прочь, прежних богов...

После приезда князя, число буддистских храмов поубавилась. Уступая первенство синтоистским богам.

Рокудо не ответил, лишь молча, зашагал к алтарю. Превратности судьбы его не удивляло. Ему ли, ронину, сетовать на судьбу...

Живя жизнью ронина, Рокудо признавал, что и ему улыбалась удача. Хоть, работать телохранителем ему довелось не долго, но это время он запомнил на всю жизнь.

Пожалуй, он и сейчас служил юному господину, если бы не случилось несчастье. На обратном пути из соседнего города, на них напали враги. И хоть господин обошелся легким испугом, они посчитали, что он, Рокудо, был в сговоре с нападавшими. Открытых доказательств не было и ему вскоре пришлось уйти. Казалось бы, что ронин легко избежал наказания. Однако, после этого его репутация была испорчена можно даже сказать, разрушена.

Изваяние бога войны улыбалось, словно в зверином оскале. Казалось, взгляд бога предвещал скорую расправу.

В эту минуту, тяжелые мысли отступили. И не от того, что ронин находился в храме. Стоило ему всё для себя решить, как в голове прояснилось.

— Мы не выбираем, кем нам родиться. И не в наших силах, изменить предназначенное. Всё что мы можем, так это самим выбрать, когда и как нам умереть...

Это были последние слова его господина, прежде чем Рокудо помог господину в проведении сеппуку, и снес его голову. Эти слова, услышал он, прежде чем начать жизнь ронина...

— Прошу простить, что беспокою, но, о чем вы задумались? Что вас так тревожит? — донеслось до него голос монаха.

Будто проснувшись ото сна, ронин оглядел зал храма, и после хриплым голосом произнес:

— Меня беспокоит истина...

— Не часто люди задаются подобными вопросами. И в чем истина... для вас?

— Истина есть смерть. Не изменчивая... не обманчивая, по сравнению с жизнью...

Было видно, что монах хотел ответить что-то. Но не желая больше разглагольствовать, Рокудо удалился. В это холодное утро, самурай выбрал для себя смерть. Смерть, которая не только положит конец его жизни, но в каком-то смысле, обессмертит его имя. Ведь если ему удастся убить князя этих земель, его имя не скоро забудут.

В противном случае, дальше его не ждет ничего хорошего. Служба в кланах для него закрыта, а работать в поле или грузчиком... дух воина противился этому.

— В вопросах или — или, всегда выбирай смерть, — звучит воинская мудрость.

Одержимой этой мыслью, он мечтал уйти во славе. За свою жизнь, Рокудо умертвил многих. Но смерть Канске Ямамото могла обессмертить его имя в веках.

В усадьбах сильных мира сего, подальше от посторонних глаз, всегда найдется местечко, для незваных гостей или недругов. Обычно, темницы строили глубоко под землей, дабы крики незваных гостей не долетали до слуха хозяев и их приближенных.

Стоило ли говорить, что в них всегда царил полумрак. Стены сырые, и комнаты не пригодны для долгого проживания. Стены темниц так и впитывают тепло от тех, кому не посчастливилось оказаться здесь.

Свежий воздух едва просачивался через маленькие решетки. С того дня, как впервые оказавшись здесь, Рокудо не знал сколько прошло времени. Казалось, что само время не имело власти в темнице.

И не сказать, чтобы здесь, в темницах клана Ямамото было много бедолаг. Но время от времени, до ронина долетали бормотание и крики узников. Кто из них проклинал судьбу и Канске, а кто так и вовсе, пытался вымолвить прощения.

Оставшись один с самим собой, у Рокудо было время подумать, о своей судьбе. Он много раз прокручивал тот момент, когда ему чуть не удалось задуманное. Убравшись подальше от храма, он выжидал, когда князь Ямамото решит прогуляться по городу.

В последнее время, чтобы вселить любовь и веру в себя простого народа, князь часто посещал оживленные места. Трудно сказать, действительно ли, внимание людей было целью князя, но так или иначе, люди провинции Хида начали видеть в нем своего.

Каждый мог подойти и обменяться словами с князем. Обрадованный возможностью, Рокудо кинулся на него, хватаясь за нож:

— Твоя голова, моя!

Острие ножа коснулась бы шеи князя Ямамото, если бы тому не удалось увернуться. Всего мгновение и люди князя повалили ронина на холодную землю. Рокудо знал, на что шел и рискнул. Пожалуй, ронин с самого начала знал, что задуманное ему не удастся. Скорее он пытался, чужими руками покончить с жизнью. Хотя сам Рокудо так глубоко не заглядывал.

В отличие от других, он не молил о пощаде. Мысленно готовясь к пыткам, следовавшим перед смертью, ронин всё же недоумевал, отчего, приведя его в темницу, оставили в покое. Парень ловил себя на мысли, что князь Ямамото выжидает, покуда Рокудо не лишится рассудка. Ронина дико пугала мысль, остаться в темнице на многие века. Пожалуй, это будет похуже пыток и медленной смерти...

Стражники приносили еду молча, и так же молча уходили. Ронин не пытался с ними заговорить или просить о милости. Он лишь ждал, когда смерть соблаговолит его навестить.

Ожидание были страшнее пытки, но в один из дней, двери открылись и вместо знакомого уже стражника, в темницу вошла небольшого роста девушка, можно сказать даже девочка. Короткое стриженное личико девушки и легкий аромат, исходивший от неё, так отличались от невольничьего быта, к которому Рокудо уже успел привыкнуть. Лицо ронина залилось краской, стоило ему подумать, что в эту минуту он ничем не отличается от животных.

— Меня зовут Масатеру...

Говоря это, девушка ни на миг не увела глаза прочь. Казалось, она ожидала внезапной атаки, и никак не страшилось ронина. Мужчина в свою очередь, даже не решился бы на подобное, ибо даже невооруженным взглядом было видно, что перед ним стояла воительница. К тому же, тюремная еда и сырые стены, сильно ослабили его за эти дни.

— Долго же мне пришлось ждать, своей участи...

Слова дались ему с трудом. Он и не подозревал, что ослаб настолько.

— Твоя участь решена. И будь моя воля, ты бы давно лежал в земле. Но у нашего князя другие планы насчет тебя.

Смысл слов девушки ускользали от него. Он не понимал, о чем она говорила.

— Умойся, от тебя сильно воняет. И одень вот это, — бросила одежды на пол.

Пребывая в сомнениях, Рокудо тут же жадно набросился на ведро с водой. Сбрасывая в сторону лохмотья, он быстро протянул руки к предложенному кимоно. Беря чистую вещь на руки, до него только сейчас дошло, что всё идет не так, как он предполагал.

— Быстрее, — бросила Масатеру.

Последовав приказу, Рокудо вскоре оделся и к своему удивлению, покинул темницу на своих двоих.

Ронин даже не пытался запомнить дорогу, слепо следуя за Масатеру.

— Я не понимаю...

— Не ты один, — уклончиво ответила девушка.

По дороге они никого не встретили, и пока они шли, ронин силился понять, что же впереди его ожидало.

— Входи. Смелее, — указал девушка на сёдзи.

Войдя внутрь, ронин перестал понимать происходящее. Над очагом висел чайник, а возле камина, будто встречая старого друга, сидел Канске Ямамото. Тот, которого Рокудо пытался убить.

— Надеюсь, ты не откажешься от чашки чая? — протягивая чашку, спросил князь Ямамото.

Лицо князя не выражала тревоги и злобы. Все происходящее, казалось для Рокудо сном.

Поняв, что жадно пьет предложенный чай, он спохватился сказать:

— Благодарю...

— Ты уж прости. Но чай я завариваю, отвратный. Воевать, и плодить врагов умею лучше остальных, но вот с заваркой чая, пока никак, — рассмеялся князь, своей шутке.

Канске Ямамото мало походил на скульптуры кровавого бога. Рокудо поймал себя на мысли,

что князь Ямамото ему по нраву.

— Князь, прошу не томить меня ожиданием. Я знаю, что попытался сделать то, что мне не по плечу. И готов понести заслуженное наказание.

Прежде чем ответить, князь Ямамото пристально посмотрел ему в глаза. И лишь затем начал:

— Мои люди всё разузнали о тебе. Ты пытался меня убить, не из-за козней врагов. По моему приказу, тебя долго держали в темнице. И должен заметить, ты оказался сильный духом. Мне не дает покоя вопрос, почему же ты напал на меня?

Ожидая скорую расправу, Рокудо решил напоследок открыться князю:

— Я просто хотел обрести славу...

Услышав ответ, князь Ямамото действительно удивился.

— Ты это серьезно? Хотел убить меня, чтобы все о тебе узнали?

— Вы, известные на всю страну воины, не знаете каково это, владеть жизнью ронина. Смерть, это единственная истина, что поглотит каждого. Разве умереть во славе, не это ли мечта воина?

Даже собственные слова, показались Рокудо не убедительными в эту минуту.

— Почему ты так стремишься умереть?

— После уничтожение моего клана, мне больше не зачем коптить эту землю...

Стоило князю Ямамото услышать это, как на его губах заиграла лукавая улыбка.

— Что же, мне твоя смерть без надобности. Так что, ты волен отправляться, куда вздумается...

Пока князь наливал чай, с угла комнаты донеслись странные звуки. Лишь после, Рокудо обратил внимание на двух огромных ворон. Птицы, казались, неотрывно следили за их беседой.

— А что...

Ронин не договорил, как вороны тут же устремились к ним, и каркая, пролетев над головами, уселись, каждая на свое, плечо князя.

— Но куда я пойду? — растерянно спросил Рокудо.

— Я же говорил, куда захочешь. Неволить, не будем...

— А что если, я опять попытаюсь вас убить?

— Пытайся, сколько душе угодно.

После слов князя, птицы закаркали еще шумно, будто смеясь над словами ронина. По телу Рокудо пробежали мурашки. В эту минуту, ему почудилось, что он общается, отнюдь не со смертным.

— Подумай, я буду отпускать тебя каждый раз, на все четыре стороны. Ты станешь

посмешищем, в этом случае. Так что мой тебе совет, не глупи...

Подумав, что и в смерти ему отказывают, из глаз Рокудо потекла скупая слеза. Ронин никак не ожидал, что в этот вечер узнает, что иной раз, доброта может ранить сильнее злобы. Готовясь встретить все худшее, ронин не ожидал наткнуться на добрую волю.

Рокудо не смог назвать это милостью. Ибо сам ронин никогда не проявлял милости, и не ожидал ее от другого. Проявление милости, в отношении себя, это виделось воину если и не лицемерием, то оскорблением.

— Слушай, а что ты скажешь, если я предложу тебе работать на меня? Служить моему клану?

Три пар глаза следили за ним. Не веря своему счастью, Рокудо раскланялся так низко, как мог, и быстро затараторил, будто князь Ямамото мог передумать.

— Я никогда не предам вас, господин. Ваши враги, мои враги. Я никогда не забуду, что вы предали смысл моему существованию...

Рокудо говорил истинную правду. Если меч был создан, что бы разить врагов, то Рокудо появился на свет, чтобы служить и исполнять волю господина. В этом, он видеть смысл своей жизни.

— Что же, за дверью тебя ждет Масатеру. Она проводят тебя до твоей комнаты. Можешь идти...

— Слушаюсь...

Следуя за девушкой, Рокудо вдруг осознал, что князь Ямамото заранее все это предвидел. Он знал, чем кончится сегодняшний вечер. И это понимание не раздосадовала бывшего ронина, но укрепило уважения князя, в его глазах. Рокудо был готов на всё, чтобы отплатить за доверие.

<http://tl.rulate.ru/book/2255/117384>